

Прот. ВАЛЕНТИН ДРОНОВ

Даниил Андреев — духовный поэт русского Православия

В конце XX века мы наконец получили возможность прочесть и услышать стихи одного из величайших поэтов этого века, блестящего выразителя русской культуры, поэта мистического, духовного и очень доступного нам в своей поэзии. Духовны всякое искусство и всякая поэзия. Но понятие духовности здесь относительно. В прямом смысле слова духовной поэзии на земле крупницы. К ней относится вся религиозная и, как часть ее, церковная поэзия. Это те поразительные проникновения человеческого духа в Божественные чертоги, где уже нет ничего земного:

Свете Тихий святыя славы
Бессмертного Отца Небесного,
Святого, Блаженного, Иисусе Христе!
Пришедше на запад солнца,
Видевше свет вечерний,
Поем Отца, Сына и Святого Духа, Бога¹.

Кроме этого, к духовной поэзии можно отнести стихи не более чем нескольких десятков поэтов всех времен и пространств, которым удалось оторваться от жизненных реалий, достичь Тихого Света, сохранив связь с этими своими временем и пространством и поведав слитно и о том, и о другом. Найти голос Логоса сумели немногие поэты.

В некоторых кругах Андреева определяют как поэта, чуждого православию, чуть ли не ересиархом, магом, язычником, как угодно, — лишь бы отнести его к явлениям «новой религиозной веры». Это ошибка, и надо ее вовремя исправить. Многих поэтов в разное время пытались отделить от православия, подвергая сомнению либо

их духовность, либо нравственность, либо тематику творчества. Мы знаем, какие диспуты велись вокруг Пушкина, тем не менее сказать или подумать, что Пушкин неправославен — кощунственно.

В русской культуре, полностью пронизанной Божественными Откровениями: в религии, в музыке, в философии, в образе жизни и мысли — поэзия всегда была средством Богомыслия. Соловьев, Хомяков, Мережковский, многие поэты Серебряного, а вслед за ним и нашего века писали религиозные стихи. Поэзия Даниила Андреева — духовна по существу.

Дело в том, что поэт, не являясь ни священником, ни богословом, создает свой мир, через который он познает Дух Святой, через который проводит навстречу Духу Святому другого человека. Здесь возникает тонкая грань, по которой и можно определить данную поэзию как описательную, религиозную или духовную.

Даниил Андреев — православный христианин по происхождению, воспитанию, миросозерцанию. Он таков и в литературе, и в жизни. После освобождения из тюрьмы в течение последних двух лет он был духовным сыном известного московского старца, протоиерея Николая Голубцова. Отец Николай исповедовал раба Божьего Даниила перед кончиной и напутствовал его Причастием Святых Христовых Тайн. На могиле Даниила Андреева стоит православный крест.

Православие Даниила Андреева пронизывает всю его поэзию. Здесь есть и стихи церковно-описательного характера, есть и необыкновенно пронзительные космические видения — подступы к Подножию Господнего Престола.

Свое поэтическое вдохновение Пушкин называл «божественным и святым» не напрасно. Подлинное ощущение духовной связи поэта с иным потусторонним миром, трепетное мистическое состояние, охватывающее читателя, свидетельствует о его подлинной религиозности.

Главное, что сближает Андреева и Пушкина с православной точки зрения, это глубочайшая нравственность творчества. Пушкин являлся нравственной личностью, и что отмечалось многими исследователями, глубоко нравственным было его творчество, будь это лирические стихотворения, социально-бытовая поэма или сказка. Добро и зло и у Пушкина никогда не смешивались: добродетель всегда возвышена, порок и страсть осуждены. Те же глубоко нравственные позиции мы видим в творчестве Андреева: зло всегда подземно, четко обозначено, даже названо соответствующим именем. Добро всегда лучезарно и непобедимо. Личные падения Пушкина

происходили из-за страстности натуры (так сказать, «разнокровия» личности), часто парализующей волю, но она никогда не затемняла его нравственного сознания и не усыпляла совесть. Нравственная судьба Андреева не требует комментариев.

Постоянное нравственное обновление у Пушкина всегда опиралось на Библию, которая была для него воплощением истины и поэзии. Нравственное сознание Андреева воплощается в собственных духовных прозрениях, но они также неотделимы от всего свода пророчеств, законов и предсказаний, полученных человечеством из Библии. Можно провести отдельный анализ поэтических персонажей Андреева и доказать их вполне библейское происхождение.

Нравственная целеустремленность также объединяет двух великих поэтов. Они всегда стремятся быть искренними, самими собой, и одинаково смиряются перед величием божественной красоты своих видений. Вдохновение, посещавшее Пушкина в минуты поэтического озарения, приводило в священный трепет, очищавший и возвышавший душу. Он подлинно молился сердцем в эти минуты и смиренно радовался духовному полету. Религиозное созерцание открывает перед Пушкиным высокие нравственные обязательства быть орудием воли Божией*. На ту же высоту возносит духовное проникновение и Андреев.

Нет в человеке черт более православных, чем тоска по иному, лучшему граду, равнодушие к тщетным земным благам, неутолимая жажда правды, светлое восприятие Божьего дара жизни, гармоническая цельность нравственного существа, чуткость совести, примиренное отношение к смерти, стремление обнять весь тварный мир. Если мы говорим о Пушкине как художнике истинно православном, то все эти качества всецело находим в его личности. То же отличает и художника Андреева. К нему вполне применимы слова Жуковского, что его поэзия есть «религии небесной сестра земная»². Родившаяся в хорах и гимнах церковных, а об этом мы часто читаем у самого Андреева, она продолжает звучать высокими небесными мелодиями и не перестает служить непосредственным религиозным целям. Ее сфера — тот идеальный мир, воплощения которого нельзя найти среди руин, тюрем и лагерей советского времени. Если для противопоставления земной человеческой юдоли церковная поэзия создает определенную архитектуру небесного града, то Андреев создает еще не виданные ни одним христианином и не воспетые

* См. стихотворение «Пророк».

ни одним песнопевцем виды Божественных запредельных пространств для противопоставления их миру, где уже и юдоли-то не осталось, где человеку не осталось места. И как бесконечен Бог в Своих пространствах, так бесконечен человек в их познании.

Устремление в мир непостижимого, как и неотступные мысли о смерти, соединяли Пушкина с религиозной стихией, где все обращено к вечности. Присущее ему от природы мистическое предощущение потустороннего мира создавало благоприятную почву для восприятия религиозных идей, но смутное и неясное по существу, оно не могло само по себе дать ему конечно твердого, обоснованного, законченного религиозного мировоззрения, которого тревожно искала его возвышенная идеалистически настроенная душа и которое ему пришлось вырабатывать вполне самостоятельно. Он не мог почти ничего получить для прояснения и укрепления своих религиозных взглядов ни из воспоминаний своего детства, прошедшего в атмосфере иноземных влияний, ни из преданий своей семьи, никогда не отличавшейся глубокой религиозностью, ни из лицейской и светской среды.

Андреев, напротив, многое для формирования своей православной личности вынес из семьи Добровых, где прошло его детство, из посещения немногочисленных открытых православных храмов, всегда посещаемых московской интеллигенцией даже в годы лихого безбожия. Однако формирование его конечного церковного мировоззрения было насильственно прервано. Андреев проходит сквозь жуткую мясорубку тюрем и лагерей. И именно там в этом вскипевшем аду перед ним Господь открывает дивные беспредельные просторы Своего Бытия. Творец и Его поэт остаются один на один.

Для Пушкина живое непосредственное общение с Церковью происходит через братию Святогорского монастыря, чей игумен святой старец Иона легко покорил его чуткую душу. Находясь в Михайловском, Пушкин дружил со священником с. Вороноча о. Иларионом Раевским. Ему он заказал отслужить заупокойную литургию по Байрону. Именно в Святогорском монастыре у Пушкина возник лучший в мировой литературе огненный образ «Пророка» — апофеоз призвания поэта на земле. Все католические персонажи Пушкина близки православию по своему духовному облику.

Владимир Соловьев, великий русский мистик, ходил в храм очень редко. Даниила Андреева сопричастность «преданному раю» влечет в храм.

Алмазней вершины, — ясней
их зов...
Величит душа моя свет
Твой,
Боже,
И ум облакает хвалу
в ткань
слов⁷.

Еще одна важная деталь — Андреев не кичится своей церковностью, не выставляет знамен, он исповедует свою веру — мудро, глубоко, твердо. Он заведомо не сомневается в своей конфессиональной принадлежности, а сразу, не теряя времени на формальную «прописку», как настоящий исповедник — поэт и пророк — идет вперед, взлетая вослед своему христианскому видению.

Непрерывными таинствами
здесь творят Литургию
Человечества даймонов,
стихиалей,
зверей, —
Сонмы тех, кто вкропил себя
в эти хоры благие,
Солнцу Мира сорадуясь,
как теург-иерей.
Световыми прокимнами,
лучевыми акафистами
Крестославно пронизывается благовонный простор,
Мировыми кадильницами
благостройно раскачиваются
Прежде певшие вольницами
духи моря и гор⁸.

Этот кажущийся иногда пантеизм у Андреева подчинен православной соборности. Это просто выброшенный с неба ангельский десант, необходимый морю и горам в битве с морем и горем. Даниил Андреев уносится «сквозь храм» в «тысячезвездия»; восхождение свое он начинает с храма. Он страдает от его поруганности:

Обнимаю в слезах безутешной тоски
Обескрещенные купола⁹.

Он достраивает их, но уже из другого материала, нетленного, нерушимого.

Силами Троицы
Здесь заливается
Шаданакар:
В каждом достроится
Здесь и раскроется
Истинный дар¹⁰.

Это видение поэта не есть фантазия, но особая, выстраданная правда, хотя и не научная и не богословская.

В этом заключается особая миссия поэтов и пророков. Они имеют право на свое видение мира, даже если таковое кажется ошибочным, субъективным.

Поэзия Даниила Андреева патриотична. Причем его патриотизм не политичен и не шовинистичен, как это бывает в большинстве случаев, а наполнен подлинной духовностью и народностью. По своей природе патриотическая поэзия Андреева та же, что и в русских былинах, во всем сознании русского народа, еще не помраченного большевистским человеконенавистничеством. Носитель зла у Андреева — не человек, а дьявол, а это и есть истинный христианский патриотизм.

Даниил Андреев — автор книги «Роза Мира». Она вызывает споры, ее причисляют к разряду теософской или антропософской литературы, имевшей хождение в начале века и вошедшей снова в моду в 70-е годы. Здесь требуются некоторые уточнения.

Книга написана православным христианином, не имевшим целью создать «учение» или выйти из общего русла русской православной культуры. В этом русле книга — весьма значительное явление. Кроме того, она поддержана как произведение христианской направленности всем поэтическим творчеством Даниила Андреева.

Книга написана в тюрьме, где шло противостояние только двух позиций, веры в Спасителя Иисуса Христа и безбожия. Гигантская космическая картина мира, развернувшаяся в книге, была увидена Андреевым из камер, под «колокольный звон» замков

и подкованных сапог. В таких тюрьмах как советские — поэты не выживают. Они сходят с ума. Но Даниил Андреев — выжил и вынес из ада чистоту рассудка и сердце, принадлежащее Христу. Выжил оттого, что Господь открыл пред ним Завесу тайны и водил его, как в свое время Данта, по кругам невидимой, нескончаемой, блаженной Премудрости Своей.

Вернейший путь к Богу — церковный путь. За две тысячи лет Церковная Полнота определила и сформировала все возможные направления человеческого Богомыслия. Чистейший путь православной Церковности, может быть, не всем открывается сразу, и Господь Человеколюбец иногда открывает не противоречащий Православию Путь познания мира.

Таков путь, открытый Даниилу Андрееву в тюрьме, в земном аду, путь ко Христу, путь только его собственный.

Как часто в болезни или в ужасе, в который погружает порой действительность, нам хочется удивляющей сказки. Сказки, согревающей, уносящей из томящей плоти. Читая «Розу Мира», можно подумать, что этим сказочным теплом согрел Господь плоть и душу пытаемого поэта. Поэтому нельзя видеть в «Розе Мира» никакого антиправославного мифотворчества, никакого теософского учения, часто приписываемого книге.

«Роза Мира» — это Дар Божий, благодаря которому поэт вышел из ада невредимым. Основной стержень романа — Логос Вселенной, Христос. Общая направленность Даниила Андреева — ко Христу. Через «Розу Мира» при всей ее неожиданности и необычности угадывается подлинная духовность всего творчества Даниила Андреева.

Та духовность в прямом смысле слова, о которой мы говорили вначале, и выделяет Даниила Андреева из всей национальной поэзии. Это духовность не пронзительного видения и не мучительных поисков истины. Это духовность данности бытия во Христе, это духовность спасения и вечной жизни в Царстве Божиим. Утверждая это своим творчеством, Даниил Андреев выходит в число немногих поэтов всех времен и пространств, послуживших человечеству пророческим служением.

Поэты, перекидывая мостики от земли к Небу, поделили между собой разные функции: есть поэты-художники, поэты-учителя, поэты-мученики. Даниил Андреев относится к поэтам-пророкам. И, может быть, даже в этом сказалась его глубокая принадлежность именно к православной культуре.

В своем духовном завещании он пишет:

И в зелени благоуханной
Родимых таежных мест
Поставь простой деревянный,
Осьмиконечный крест¹¹.

Поэт молит Творца:

О, промчи нас, Господь, сквозь антихристов век,
Без кощунств и падений промчи!¹²

Думается, что в творчестве Даниила Андреева не было кощунства, и с православной точки зрения оно — гениальный вклад в русскую и мировую культуру.

